

УДК 101.2

Н.Н. Карпицкий

Философский талант и понимание другой культуры

Аннотация. В статье раскрывается значение философского таланта для понимания жизненного опыта другого человека и опыта другой культуры. Обосновывается, что основным вопросом философии является вопрос об очевидности. Автор объясняет ступени понимания философии и связанные с ними трудности, показывает, что сущность философского таланта состоит в особой направленности на новое. Эту направленность Аристотель называл удивлением. Если обычный человек не верит в такие факты, для которых неизвестен способ объяснения, то философ способен принимать принципиально необъяснимое в общепринятой картине мира. Благодаря этой способности возникает возможность понимать картину мира другой культуры.

Ключевые слова: философия, талант, культура, очевидность, жизненный опыт.

N.N. Karpitsky

Philosophical talent and understanding of a foreign culture

Summary. The article reveals the importance of philosophical talent for understanding of life experience of another person and experience of different culture. The author proves that the fundamental issue of philosophy is the question of obviousness. He explains the various levels of understanding of philosophy and related challenges, shows that philosophical talent consists of a special focus on new. Aristotle identified this intention as amazement. If an ordinary man does not believe in such facts, for which the explanation is unknown, the philosopher is able to accept fundamentally unexplainable things in the conventional picture of the world. Due to the ability it is possible to understand the world view of different culture.

Keywords: philosophy, talent, culture, obviousness, life experience.

Встреча с другой культурой не просто открывает новые традиции, духовные практики и знания, но вводит в принципиально иной мир, в котором то, что казалось невозможным, сверхъестественным, не укладывающимся в привычное представление о мире, может стать реальным. И это многих очень пугает, заставляет сторониться всего, что связано с непонятной им культурой. Чаще всего люди готовы принимать новое только тогда, когда допустима возможность объяснить его в уже сложившейся картине мира. Но для понимания другой культуры этого мало, нужна особая направленность на новое как принципиально иное всему привычному, которое не укладывается в имеющуюся картину мира. Эта особая направленность составляет сущность философского таланта.

В той мере, в какой человек осознает себя как личность, он проявляет способность философствовать, поскольку философствование и есть осмысление ценностного самоопределения личности. Однако не всякая личность становится философом, так как для этого необходимо не только иметь собственную философскую позицию, но и способность понимать другого человека, видеть в нем то, чего нет в себе. Такое понимание другого человека является первым шагом к пониманию другой культуры, основанной на иных принципах описания мира, нежели привычный для нас окружающий мир.

Как полагал М.К. Мамардашвили, в каждом человеке есть интуиция, позволяющая отличить философский текст от художественного, научного или любого другого: «Допустим,

что перед нами несколько текстов совершенно разной природы и характера – житейский, художественный, научный, философский, религиозный и т.д. Разумеется, мы безошибочно определим, какой из них философский. Слова Сократа, Будды, тексты Платона или что-то из Августина мы, не сомневаясь, назовем философскими, не зная почему, на каком основании и каким образом. Потому что они резонируют в нас по уже проложенным колеям воображения и мысли, укладываясь во вполне определенное со-присутствие (это, а не иное) соответствующих слов, терминов, сюжетов, тем и т.д.» [1, 7–8]. Обладая этой интуицией, человек способен узнавать философию еще до того, как начинает ее систематически изучать. Следовательно, он уже каким-то образом был причастен философии. Эта причастность обнаруживается в способности человека философствовать.

Философствование – это процесс осмысления своего ценностного самоопределения по отношению к себе, к жизни, к миру, к другому человеку, живому существу или к Богу. Самоопределяясь, человек находит свое место в жизни и выбирает цели, определяет, что для него является ценным, ради чего стоит прикладывать усилия и вообще жить. В результате философского самоопределения возникает ценностное восприятие жизни.

Ценности – это особые смыслы, которые наделяют новой значимостью содержание жизни человека, а именно, цели, намерения, ситуации, действия, поступки, события, явления и т.д. С утратой ценностей человек перестает ориентироваться в жизни и не знает, к чему стремиться и ради чего вообще стоит прилагать усилия. Такие потерявшие в жизни люди спасаются тем, что принимают внешнюю систему ценностей, сформированную в определенной социальной среде. Это тормозит их развитие как личностей, поскольку личность формируется в свободном выборе собственных жизненных ценностей и целей. Именно поэтому самоопределение как акт философствования является условием формирования личности.

Как это показал М.К. Мамардашвили, человеку не нужно специальное философское об-

разование, чтобы узнавать в творчестве другой личности ту же способность философствования, какой он изначально обладает сам. На основе собственной способности к самоопределению человек способен видеть философский смысл в любом проявлении ценностного самоопределения другого человека, даже если это самоопределение выражено не в философском трактате, а в религиозной или нравственной проповеди, в образе жизни, в литературном произведении или в кинофильме. Интуитивное узнавание иного самоопределения лежит в основе понимания другого человека, что является целью философии.

Таким образом, главная цель философии – это понимание, а именно, понимание собственного самоопределения в жизни и понимание самоопределения другого человека. Однако, хотя все люди философствуют, т.е. ценностно самоопределяются, и потому способны интуитивно понимать самоопределение другого человека, тем не менее, этого еще недостаточно, чтобы считать их философами. Философия формируется тогда, когда человек не только интуитивно осознал себя и понял другого, но еще и нашел способ стать понятным для других людей.

Здесь возникают принципиальные трудности. Язык повседневного общения очень хорошо передает смысл, соотносимый с общезначимой ситуацией, связанной с коллективным опытом или совместной деятельностью, но совершенно не приспособлен для того, чтобы выражать уникальность собственных чувств или понимание намерений и целей, основанных на собственном жизненном опыте, отличном от жизненного опыта других. Поскольку жизненный опыт – это совокупность всего, что оказало влияние на формирование личности, у каждого человека свой особый жизненный опыт, который может оказаться непонятным другим людям.

Пытаясь понять, что говорит собеседник о своем специфическом личном опыте, слушающий вынужден либо вкладывать в чужие слова свой смысл, либо соотносить с общезначимой ситуацией. Допустим, он слышит, как человек говорит о собственном смущении. Из этого еще невозможно понять, что другой человек

внутренне чувствует, можно только либо соотносить слово «смущение» с общезначимой ситуацией, в которой обычно люди внешним образом проявляют скованность, либо же соотносить это слово с собственным опытом смущения.

Можно взять более яркий пример. Всякий человек обладает уникальным опытом любви, но для выражения уникальности этого чувства обычных слов не хватает. Общепринятое понятие любви закрепляется через соотнесение с несколькими типичными ситуациями, описанными в литературе или изображенными в кинофильмах. Когда мужчина говорит: «Я люблю тебя», а женщина отвечает ему теми же словами, из этого не следует, что они чувствуют одно и то же. Каждый из них может думать, что другой испытывает то же чувство, что и он сам, и поэтому у обоих создается впечатление, что они поняли друг друга. Но потом, когда они начинают совместно жить, почему-то чувствуют себя обманутыми. Чаще всего вместо понимания другого человек либо проецирует на него собственные представления, либо соотносит со стереотипными представлениями. В деловом общении, когда люди следуют общепринятым правилам, отсутствие понимания внутреннего опыта человека не имеет большого значения, однако в личностном общении это неизбежно ведет к разочарованиям.

В общении с человеком, как правило, мы понимаем лишь то, что уже заложено в нас самих, «однако во внутренней жизни человека всегда сохраняется пласт, который остается невыразимым, и все же каким-то образом его присутствие интуитивно ощущается как нечто неопределенное» [2, 149]. Чтобы достичь взаимопонимания в личностном общении, необходимо уметь задать контекст понимания употребляемых слов. Для этого необходимо показать собственное мировосприятие в целом, и уже в контексте этого мировосприятия станет понятным, какое место и значение занимает смущение, какое – любовь, а какое – другие цели, намерения и ценности. Только в контексте такого целостного мировосприятия слова смогут выражать внутренний опыт человека.

Такой способ взаимопонимания и есть применение философского способа мысли к конкретной ситуации. Философия возникает тогда, когда создаются теоретические условия преодоления непонимания друг друга. К числу таких условий относится философский язык, на котором выражается уникальный жизненный опыт человека, и философская система, дающая целостный взгляд на мир или какой-то принципиально значимый для человека его аспект, с позиции которого определяется контекст философского языка и взаимосвязь философских понятий и методов. Каждая философская система совершенно индивидуальна, т.к. она создана на основе личного жизненного опыта философа.

Философская система умозрительным путем раскрывает теоретические предпосылки, найденные с помощью философской интуиции. Философская интуиция – это способность выделить самоочевидное для человека в виде теоретической предпосылки. Самоочевидными для человека являются такие смыслы и такие способы понимания, благодаря которым он осознал себя как личность.

Например, для одного человека очевидно, что есть вечная любовь, а для другого – это всего лишь условное понятие, для обозначения психического или физиологического состояния. Для кого-то очевидно, что есть благо, по отношению к которому мы при любых обстоятельствах можем определить, какой поступок добродетельный, а какой – дурной, а для кого-то благо – это условное понятие, а значение поступков определяется в зависимости от ситуации или от того, как договоримся считать, что хорошо, а что плохо. Одним очевидно существование Бога, но для многих – это всего лишь абстрактная идея. Если благодаря любви, пониманию блага или богообщению человек осознал себя как личность, то сам процесс этого осознания как раз и удостоверяет их очевидность, и никаких иных теоретических доказательств человеку более не требуется.

Очевидность основывается на жизненном опыте человека, но у каждого такой опыт свой. Чем больше общего в понимании очевидного между людьми, тем лучше они понимают друг друга. Если человек не понимает, что первич-

но очевидно для другого, он также перестает понимать и его ценности, намерения, поступки. Например, бесполезно объяснять, почему кто-то готов всем пожертвовать ради любви, такому человеку, для кого сама любовь всего лишь условное понятие, а не нечто очевидное.

Это необходимо иметь в виду при понимании других культур, связанных с иным образом жизни и мировосприятия. Например, европеец не поймет религиозную цель индуса до тех пор, пока не осознает, что для индуса первичная очевидность принципиально иная. Если для европейца очевидно, что он в какой-то момент был рожден, и до этого момента не существовал, то индус не может представить себе момент жизни, когда его самого еще не было. Именно поэтому для индуса является первично очевидным, что жизнь безначальна, и все его религиозные, ценностные и экзистенциальные мотивации определяются именно осознанием безначальности собственной жизни.

Поэтому еще недостаточно раскрыть в философской системе собственное видение очевидного. Для понимания другого человека, а тем более – другой культуры, необходимо проблематизировать понимание очевидности таким образом, чтобы, выйдя за пределы собственного взгляда на очевидное, обрести возможность принципиального иного понимания очевидности и связанного с ним иного жизненного и культурного опыта. Только тогда открывается возможность увидеть в другом человеке или в другой культуре то, что кажется принципиально невозможным в собственной картине мира.

Вопрос о том, что является первично очевидным, можно с полным правом считать основным вопросом философии. В учебниках по философии очень часто говорится, что основной вопрос философии в том, что первично: материя или сознание? Однако есть и другие не менее важные философские вопросы, например, смысл жизни. Но если все философские вопросы свести к самому общему, то он будет звучать так: «Что есть первичная очевидность?» Повседневный человек считает первично очевидным то, что непосредственно видит. Развитие философии представляет собой поиск первичных принципов бытия или

познания, из которых мы можем понять наш мир. Каждый этап развития философии связан с тем, что под сомнение ставилось то, что раньше казалось очевидным, и благодаря этому открывались иные первичные основания миропонимания на более глубоком уровне понимания очевидности.

М.К. Мамардашвили выделял две формы существования философии: «Один регистр – это тот элемент нашей жизни, который по содержанию своему и по природе наших усилий является философским. Поскольку философия не может складываться и реализовываться в качестве жизни сознательных существ в их человеческой полноте, если, наделенные сознанием, желаниями и чувствительностью, эти существа в какой-то момент не «профилософствовали». То есть не осуществили какой-то особый акт (или состояние), который оказывается различным и названным философским. И второй регистр – это философия как совокупность специальных теоретических понятий и категорий, как профессиональная техника и деятельность, с помощью которых нам удастся говорить об указанном элементе и развивать его и связанные с ним состояния, узнавая при этом и о том, как вообще устроен человеческий мир. Назовем первый регистр «реальной философией», а второй – “философией учений и систем”» [1, 9]. Речь здесь идет не столько о двух видах философии, сколько о двух ее сторонах: формальной и содержательной. Философия не просто система понятий и не просто элемент нашей жизни, а выражение в теоретической системе опыта жизни. Философия – это индивидуальный путь постижения общезначимого содержания на основе личного жизненного опыта. Ибо философская система – не самоцель, а способ выражения личного опыта. Истина философской системы обнаруживается тогда, когда при чтении произведения можно повторить индивидуальный авторский путь осмысления и тем самым понять его личный опыт, независимо от того, согласны мы с автором или нет.

Нередко приходится встречать мнение о том, что изучение философии заключается в понимании философских систем. Однако даже доскональное изучение всей философской

системы Платона, Аристотеля или Канта, всех понятий и их возможных взаимосвязей отнюдь не гарантирует понимания философии. Верно и обратное. Человек, только начиная читать классика философии, может интуитивно схватить тот личностный опыт, который стоит за текстом, и дальнейшее знакомство с философией больше будет напоминать не обучение, а воспоминание, при котором читатель начинает спонтанно предвосхищать мысль автора.

В связи с этим можно выделить три уровня понимания философии. Терминологический уровень – понимание философской терминологии, концептуальный уровень – понимание философской системы, и жизненный уровень – понимание личного опыта философа, выраженного в философской системе. Первое препятствие к пониманию связано с тем, что мы вкладываем собственное значение в терминологию философа, и тогда непонятным становится все. Понять терминологию можно лишь через общий контекст, который выражается в философской системе, раскрывающей целостный взгляд на мир. Понимание философии происходит не так, как в науке, путем постепенного освоения, а скачкообразно, как озарение: вот только что все казалось еще непонятным, но как только улавливается общий контекст, все сразу обретает смысл. Здесь уже концептуальный уровень понимания, на котором проясняется философская система, задающая контекст. Однако и это еще недостаточно для понимания философии, так как все еще остается непроясненным вопрос, а зачем вообще нужно было создавать эту философскую систему?

Соответственно, понимание философии, которое тоже носит скачкообразный характер, достигается лишь на третьем уровне, как новое озарение, когда открывается тот жизненный опыт автора, ради выражения которого и была создана философская система. На этом уровне понимания открывается, что философские системы не могут создаваться произвольно как игра ума. Возникновение именно такой конкретной философской системы с необходимостью требует жизненный опыт автора, и в другой философской системе он просто не

смог бы самореализоваться. Понимая философскую систему, мы начинаем видеть мир, в котором живет другой человек, что позволяет нам не только расширить свое сознание, но и увидеть со стороны собственное миропонимание, обнаруживая в нем несовершенства и противоречия, на которые мы не могли обратить внимание, пока были ограничены этим миропониманием.

Постижение жизненного смысла философии открывает понимание на высшем – уже четвертом уровне, на котором постигается иной способ воспроизводства философии, основанной на других принципах смыслопорождения. Пониманию на этом уровне препятствуют наши собственные механизмы смыслопорождения, которые А.В. Смирнов называл «процедурами формирования смысла»: «Процедуры формирования смысла формулируются иначе как предельные основания рациональности – точнее, формулировка последних зависит от принятых в данной культуре процедур формирования смысла. Предельные основания рациональности, определяющие а priori, что может быть, а чего быть не может, что безусловно истинно, а что безусловно абсурдно, что имеет место всегда, а чего не бывает никогда, зависят от принятых процедур формирования смысла» [3, 188]. Так как в разных культурах принципы смыслопорождения могут оказаться несоизмеримыми, невозможно последовательно и логично перейти к пониманию иной философской системы. Необходим скачок, связанный с преодолением собственного способа смыслополагания, раскрывающий в новом философском озарении иной способ. Естественно, описание иной философской системы должно быть логичным и обоснованным, но эти логичность и обоснованность должны покоиться на имманентной автору внутренней логике. Спонтанность здесь заключается в переходе от одной логики мышления к другой, а не в отрицании логики вообще. Способ описания иных логик смыслопорождения в других культурах предложен А.В. Смирновым в работе «Логика смысла» [4] и носит строгий характер. Но сам акт понимания другой логики спонтанен и может быть основан только на интуитивном погружении в иной жизненный опыт.

Чтобы понимать другого человека и другую культуру, нужно иметь особую направленность на новое, которая встречается очень редко. В такой жизненной направленности и состоит философский талант. Эта направленность предполагает способность видеть нечто принципиально отличное от заложенного в себе самом, умение замечать то, что противоречит собственным убеждениям, умение разглядеть другого человека именно как другого, исходя из него самого, а не из себя и своих предрассудков. Данная способность лежит в умении видеть удивительное там, где большинство людей его не замечают. Аристотель в «Метафизике» заметил, что философия начинается с удивления: «И теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу таким образом продвигаясь далее, они задавались вопросом о более значительном» [5, 69].

Люди в повседневном мире обычно лишь проецируют собственные комплексы и представления друг на друга и замечают в другом человеке лишь то, что уже имеют в себе. Общие предрассудки, этикет и стереотипы поведения приводят эти проекции к общему знаменателю, создавая иллюзию взаимопонимания. На самом первом уровне философский талант проявляется в личностном общении как умение понимать другого человека в том, в чем тот не похож на тебя.

Еще одна форма проявления философского таланта – это умение видеть удивительное и необычное в повседневном. Такой способностью обладают и дети, которые нередко видят чудеса, не укладывающиеся в картину мира взрослого. Однако по мере взросления они приучаются к мысли, что всего этого «не бывает». Становясь взрослым, человек вытесняет из своей памяти полное чудес детство. Именно в этой несовместимости картины мира ребенка и картины мира взрослого заключается причина детской амнезии, а вовсе не в сексуальных комплексах, как считал Зигмунд Фрейд. Взрослый человек начинает воспринимать только те факты, для которых уже имеется объяснение, необъяснимое же просто перестает

им замечаться. Поэтому обычный человек, как правило, не видит чудес.

Мышление обычного человека устроено таким образом, что он не замечает того, что не укладывается в его картину мира. Приведу иллюстрацию. Допустим, преподаватель на лекции рассказал студентам, что когда шел на занятие, то увидел настоящего живого гнома. Если речь идет о самых обычных студентах, то они, скорее всего, в это не поверят и решат, что преподаватель их обманывает. Но вот один из самых догадливых студентов высказывает предположение, что преподаватель просто спутал низкорослого бомжа с гномом, после чего студенты все сразу начинают доверять рассказу преподавателя. За это небольшое время преподаватель честнее не стал, да и студенты не узнали ничего нового, разница заключается лишь в том, что вначале у них не было объяснения для факта, о котором свидетельствовал преподаватель, а потом это объяснение появилось. В соответствии с принципами мышления повседневного человека факт признается только после того, как придумана для него возможность объяснения. В науке аналогом такого рода объяснений являются теории «для данного случая» *ad hoc*.

Увидеть факт, который необъясним и противоречит представлениям о мире, для обычного человека очень трудно. И поскольку фильтры в его сознании не пропускают ничего, что противоречит его убеждениям, то и открыть нечто принципиально новое, даже самое простое, повседневный человек не может.

Философ отличается от всех прочих людей тем, что всегда обращает внимание сначала на факты, а уже потом ищет для них объяснения. Ему не нужна теория *ad hoc*, чтобы начать изучать то, что ученый заранее отвергнет как невозможное. Философ знает, что факты не должны заранее соответствовать нашим интерпретациям и убеждениям, так как мир бесконечно разнообразнее, чем любое представление о нем. Удивительным является не то, что люди встречают невероятные вещи, не укладывающиеся в их картину мира, а то, что они встречают их редко. Если принимать факты еще до того, как придумана для них возможность объяснения, то тогда повседневный

мир начинает открывать свои чудеса, которые он открывает каждому ребенку.

Эта направленность на новое, которая и составляет философский талант, позволяет делать открытия и изобретения в любой области знания, какой бы человек ни занимался. Если философским талантом обладает ученый, то он неизбежно будет делать такие научные открытия, которые представляют собой скачки мысли, хотя для истории науки это скорее исключение, чем правило. Ведь чтобы стать выдающимся ученым, вполне достаточно быть хорошим исследователем, обобщающим предыдущие знания, подтверждая их экспериментально или делая из них правомочные выводы. Если же ученый совершает скачок, открывает нечто, что непосредственно не вытекает из предыдущего, то этим он как минимум

открывает принципиально новое научное направление и навсегда входит в пантеон гениев науки. Для философа же открытие принципиально нового – это обязательное условие, а не исключение. Поэтому, если философ займется изучением любой отрасли знания, он, в силу своей привычной установки, и там тоже будет делать принципиально новые открытия.

Способность принять необъяснимый факт является условием понимания других культур. Поскольку каждая культура имеет собственные априорные предпосылки, в соответствии с которыми становится возможным то, что невозможно в картине мира современного европейца, то для понимания других культур ученому требуется обладать не только специальными знаниями, но еще и философским талантом.

Литература

1. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
2. Тарнапольская Г.М. Философские основания онтологической интуиции подлинности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Том 8. Вып. 1. 2010. С. 9–14.
3. Смирнов А.В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.
4. Смирнов А.В. Соизмеримы ли основания рациональности в разных философских традициях? Сравнительное исследование зеновских апорий и учений раннего калама // Вопросы философии. № 3. 1999. С. 168–188.
5. Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4-х тт. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.

References

1. Mamardashvili M.. The need for yourself. Introduction to philosophy, reports, articles, philosophical notes. M.: Labirint, 1996. 432 p. (in Russian).
2. Tarnapolska G.M. Philosophical foundations of ontological intuition of genuine // Bulletin of the Novosibirsk state University. Series: Philosophy. Volume 8. V. 1. 2010. With. P 9–14. (in Russian).
3. Smirnov A.V. Logic of Sense: Theory and its application in the analysis of classical arabic philosophy and culture. M.: Yazyki slavyanskoi kultury, 2001. 504 p. (in Russian).
4. Smirnov A.V. Do the Fundamentals of Rationality in Different Philosophical Traditions Correspond? A comparative study of Zeno's paradoxes and teachings of early Kalām // Voprosy filosofii. № 3. 1999. C. 168–188. (in Russian).
5. Aristotle. Metaphysics // Works, in 4 vols. M.: Mysl, 1976. Vol. 1. 550 p. (in Russian).